

Георгий Клычков

Медвяный источник

"Наше наследие", 1989, No 5

OCR Бычков М. Н.

Автор статьи, написанной в 1987 году. Георгий Сергеевич Клычков (1932-1987) - сын поэта Сергея Клычкова, ученый-лингвист.

*И, быть может, я готовлю,
Если в сердце глянет смерть.
Миру новому на кровлю
Небывалой крепи жердь.*

В млечном тумане небытия роятся голубые, потом разноцветные тени. Каждое слово похоже на картинку: "утро" - как белый мешочек с творогом, с которого стекает сыворотка, "завтра" - зеленые вагончики. И листья тополя на фоне неба блестят серебром. Память населяется добрыми призраками, которые никогда нас не покидают. Вся жизнь - передача из прошлого чего-то очень важного, что ни в коей мере нельзя испортить, а наоборот, надо приумножить. Память есть даже у металла: болванка "помнит", из чего она отлита, а у человека, может, тоже есть способность воскрешать в сознании то, что было за поколения, недаром в юности почти у всякого есть ощущение "уже виденного". Когда же всю жизнь потаенно возвращаешься к тому, что происходило где-то ранее порога твоей сознательной жизни, обрывки бумаги, фотографии, рассказы, стихи - все это сливается вместе, уходит в млечную дымку времени и выходит оттуда живым... Сергея Клычкова при жизни много и часто обвиняли в том, что он чего-то не понимал, сам же он оказывался беспрерывно трагически непонятым. Сейчас, когда его чистый поэтический голос вновь зазвучал на Руси, надо прежде всего восстановить в сознании образный мир, эмоциональную ауру его личности, понять истоки его индивидуальности, корни его творчества. Хотелось бы, чтобы слово Клычкова в наше время прежде всего воспринималось вне обычных определений и бывших ходячих ярлыков: неокрестьянский поэт, мужиковствующий идеализатор патриархального прошлого, с одной стороны, и друг Сергея Есенина, поэт его круга, которого многие считают его предшественником, с другой. К Сергею Клычкову надо подойти как к самостоятельной и целостной поэтической личности. Эти заметки не претендуют на биографию или литературоведческий разбор его наследия, скорее, они ближе к воспоминаниям, коллективной памяти, хранящейся в семейной традиции.

Антоныч, как его многие называли, сам себя считал мрачной личностью ("Люблю веселых людей, сам будучи мрачным...", - надписал он свою фотографию), но в воспоминаниях близких, как правило, предстает как символ радости бытия. "С ним было легко, - вспоминала Варвара Николаевна, моя мать, - в жизни он был - как его походка, быстрая, летящая". Сергей Антонович был высок, худ, синеглаз, носил длинные волосы, охотно и хорошо пел, говорил окая, стихи и прозу свои читал нараспев, как песни или сказ. В отдельных детских воспоминаниях видится всегда он в труде на природе, которая в этих случаях приходит на память не по-взрослому радостной, щедрой, обильной, в драгоценных камнях, как росяной луг под косыми утренними лучами - такая, какой он ее описал сам: "Пахнет тогда молодостью сырая земля, струится нетлеющим духом приподнятая в облако даль, и в человечьем и в зверином сердце радостно и весело токает кровь...".

Родился Клычков в июле около Сергиева дня за одиннадцать лет до начала нашего века. Фамилия Клычков (в других деревнях бытует форма Клочков, от "клочок" - крестьянин с небольшим наделом) - подлинная, не псевдоним, - проходит по всем документам, включая военный билет - как советской, так и дореволюционной поры. В документах прапорщика старой армии С. А. Клычкова отмечено вероисповедание - старообрядец. В деревне Дубровки в трех верстах от Талдома половина семей до сих пор - Клычковы, а другая - Каблуковы. Бытовали поэтому деревенские прозвища: одно из них - Лешенковы (от "леший"), другое - Сечинские (изба стояла на вырубке, сече). В 1926 году сам поэт в автобиографии назвал фамилию Клычков псевдонимом, возможно, предохраняя вышедших из деревни братьев: имя его постепенно становилось одиозным. На самом деле, прозвище "Лешенков" им использовалось как псевдоним.